

ЮЛИЯ МАТЮХИНА

ФАОВРИТЫ И
ФАВОРИТКИ
РОССИЙСКИХ
ПРАВИТЕЛЕЙ

Юлия Матюхина

**Фавориты и фаворитки
российских правителей**

«ИП Демченко Е.Е.»

Матюхина Ю. А.

Фавориты и фаворитки российских правителей /
Ю. А. Матюхина — «ИП Демченко Е.Е.»,

Фавориты и фаворитки, кукловоды или покорные исполнители воли монархов, любовники, любовницы или друзья правителей. Кем были эти люди? Как им удавалось достичь вершин власти и чем оканчивались их блистательные карьеры? В этой книге вы найдете краткие биографии фаворитов и фавориток российских правителей от IX в. до 1990 годов XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

© Матюхина Ю. А.
© ИП Демченко Е.Е.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Фавориты Рюрика: Олег, Аскольд и Дир	7
Фавориты Игоря Старого: Прекраса (Ольга), Свенельд	11
Фаворит Ольги: Святослав (?—972)	17
Фаворитка Святослава: Малуша (940–971 (978))	20
Фаворит Владимира Святого: Добрыня (годы жизни неизвестны)	22
Фаворит Ивана II Красного: А. Хвост (?—1357)	24
Фаворит Дмитрия Донского:	26
Фаворит Василия I: И. Кошкин	28
Фаворит Василия II: И. Всеволожский	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Алексеевна Матюхина

Фавориты и фаворитки российских правителей

Предисловие Феномен фаворитизма

Фаворитизм (от франц. *favoritism* – «благосклонность») – один из интереснейших феноменов мировой истории.

Явление фаворитизма теснейшим образом связано с особенностями человеческой психологии. Разделяя людей на своих и чужих, на симпатичных и неприятных, на близких и неблизких, мы подсознательно проявляем благосклонность к первым и стараемся отдалить от себя вторых. Своим мы всегда рады, их решения кажутся нам более правильными, а поступки – более справедливыми и благородными, чем решения и поступки чужих. С симпатичными нам людьми мы более приветливы и вежливы, более сердечны и благожелательны. Мы не всегда можем внятно объяснить, почему один человек вызывает у нас доверие, тогда как другой в лучшем случае оставляет нас равнодушными. Каждый день мы сталкиваемся с мелким бытовым фаворитизмом, не замечая его или не связывая с этим явлением, о котором когда-то слышали на уроках истории.

Обычно, описывая какой-либо феномен, указывают время его зарождения, расцвета и упадка; называют предпосылки его возникновения.

Уникальность фаворитизма заключается в том, что он в той или иной форме существовал всегда. Вернее, с тех незапамятных времен, когда среди людей одной группы (семьи, общины, племени) стали выделяться лидеры.

Если уж следовать традиции и устанавливать истоки описываемого явления, можно сказать, что фаворитизм зародился в тот момент, когда некоему отцу пришлось в голову разделить своих сыновей на верных и ненадежных. Верные, преданные воспринимались как опора и преемники. Им позволялось и прощалось много больше, чем вторым, ненадежным, которые автоматически попадали в разряд подозрительных и даже опасных.

Развивалось общество, развивался и фаворитизм. Из-под крыши семейного дома он переключался во дворцы, где обитает и по сей день.

Сегодня феномен фаворитизма подвергается всестороннему изучению. Его пытаются осмыслить и объяснить представители самых разных наук: истории, психологии, социологии, культурологии, политологии.

Ученые умы определили фаворитизм как социокультурное явление, широко распространенное при дворах правителей эпохи абсолютизма. Фавориты, как правило, пользуются особым расположением своего покровителя и часто благодаря его поддержке получают огромные власть, привилегии, деньги. Монархи вовсе не стараются скрыть свою симпатию к фаворитам. Напротив, они одаривают своих любимцев драгоценностями, поместьями, земельными наделами, жалуют им звания, титулы, ордена и прочие высокие государственные награды – словом, всячески стараются подчеркнуть особое положение этих людей. Таким образом правители пытаются купить преданность своих приближенных. Однако в душе каждого монарха таится страх того, что фаворит рано или поздно предаст его.

Страхом, подозрительностью, если хотите, ревностью правителей и обуславливается периодическая смена фаворитов. Судьба многих из них – это череда бесконечных взлетов и падений.

Фаворитизм вовсе не обязательно должен быть связан с любовными, эротическими отношениями между покровителем и его протеже. Скажем, фаворитами Александра I были его друзья: граф П. А. Строганов, граф В. П. Кочубей, князь А. Чарторыйский и Н. Н. Новосильцев. Вместе с государем они составляли так называемый «негласный комитет» минипарламент, пронизанный демократическим духом.

При Иване IV Грозном сложилась особая форма фаворитизма – опричнина. Опричники совмещали в себе роли советников, телохранителей, друзей и наперсников царя.

Но, конечно, чаще фаворитами становились любовники или любовницы правителей.

Назначая своих фаворитов на ключевые посты в государстве, монархи передавали им часть своих полномочий. История знает немало случаев, когда фаворит фактически играл роль всевластного государя, в то время как законный правитель развлекался, проводил время за пирами, охотой, балами, нисколько не интересуясь судьбой страны. И тогда участь государства полностью зависела от личности фаворита. Если волей случая на вершине власти оказывался человек мудрый, талантливый, честный и принципиальный, фаворитизм становился для страны огромным благом, спасая ее от недалекого монарха, не желавшего или не умевшего должным образом управлять государственной машиной. Если же единственным достоинством фаворита была безграничная собачья преданность монарху-самодуру, такие правления оборачивались злом для народа и государства и зачастую оканчивались трагически.

Так или иначе деятельность любого правителя, в том числе и фаворита, не может оцениваться однозначно – положительно или негативно.

Часто фигуры фаворитов связывают с определенными мифами, созданными при их жизни или после нее. Отличить мифы от реальности бывает непросто даже видным ученым.

Но тем увлекательнее становится тема фаворитизма в мировой истории. Не случайно же личности людей, волею судьбы оказавшихся у власти, не перестают притягивать внимание не только ученых, но и простых читателей.

Овеянные тайнами и легендами, окруженные ореолом недосказанности, неоднозначные и противоречивые, фавориты в меру своих сил и способностей творили Историю. О таких людях и пойдет речь в этой книге.

Глава 1

Фавориты и фаворитки киевских и московских князей

Фавориты Рюрика: Олег, Аскольд и Дир

История знает несколько версий происхождения киевских князей. Предпочтение отдается классической летописной истории о «призвании варягов». Согласно древним летописям варяги, скандинавские племенные вожди, были предводителями русских дружин в военное время. Одним из таких предводителей называют Рюрика, сына норвежского короля и Умилы – дочери новгородского старейшины Гостомысла. Призванный новгородским народом на княжение, Рюрик пришел со своей дружиной в район Ладожского озера и согласно летописи стал править в Новгороде с 862 г., а его дружинники – в других городах русской земли.

Следует сказать, что варяги находились в привилегированном положении: во время похода им полагалась большая доля добычи, с ними советовался князь, в то время как дружинники-славяне выполняли остальную работу. Иноземцев защищал и закон, по которому за убийство или оскорбление варяга полагался большой штраф. Историки объясняют это тем, что, будучи варягами по происхождению, киевские князья комплектовали дружину преимущественно из своих дальних родственников. Дополнительное количество воинов набирали из русичей. Термина «фаворит» тогда еще не существовало, но летописный термин «отроки-друзи», с которым князь обращался к своим старшим дружинникам (варягам), как нельзя лучше характеризует их приближенное положение. Для русских, младших дружинников, существовали иные термины: «гриди», «дети молодшие» и др. Фаворитами в смысле приближения к князю становились преимущественно ближайшие родственники (родные и двоюродные братья, жены, дядья либо самые сильные, умные или хитрые дружинники. То есть внимание высокой особы можно было завоевать, обладая родственными связями с ней и (или) выдающимися личными качествами. Такие люди занимали привилегированное положение, становились сотрапезниками князя, пользовались его доверием. Они могли стать советниками, воеводами, отправлялись в завоевательские походы – собирать для князя дань в «своей и чужой земле». Так, пришедшие вместе с Рюриком Аскольд и Дир были отправлены им в поход на Константинополь.

Представители киевского князя в таких случаях имели полномочия от его имени и от имени управляемого им народа заключать с византийскими императорами договора о сотрудничестве и ненападении. Разумеется, только лучшие из лучших могли выполнить эту миссию, те, которым князь доверял, как себе.

Поскольку в те времена власть и безопасность князя зависели от его личных качеств и верности его людей, фавориты назначались управителями подвластных ему городов или правителями при малолетних детях умершего князя, как например Олег.

Судьба приближенных Рюрика – Олега, Аскольда и Дира, также правивших в землях Киевской Руси, – наиболее полно отражена русскими летописями и дает некоторое представление об истоках русского фаворитизма. Жизнь в Древней Руси не была безоблачной, и кровавая борьба за власть, интриги и конфликты между «пришлой» и «местной знатью» тогда также имели место, как и много веков спустя, – при Иване Грозном или первых Романовых.

Олег (?—912)

Олег, родственник и дружинник Рюрика, прибыл вместе с ним на Ладожское озеро. Год его рождения неизвестен. Но известно, что князь приблизил его к себе и имя Олега упоминается в дворцовых книгах византийских императоров вместе с «конунгом славян» и его племянниками Игорем и Яканом, а также другими варягами из «ближнего круга». Олег отличался завидным здоровьем, богатырской силой и ловкостью – этот былинный образ подкрепляется археологическими находками. Известно, что двуручный меч весил около 25 кг, а в бою им надо было умело орудовать. Боевая секира викингов могла весить и 15, и 20 кг, а если добавить к этому доспехи, пусть кожаные, но окованные железом, шлем и металлические поножи (специальные голенища, защищавшие ноги воина от щиколотки до колена), то выяснится, что рядовой дружинник должен был носить на себе как минимум 40–50 кг практически постоянно. Дружинник обязан быть выносливым, от него к тому же требовались воинская смекалка и безоговорочная преданность князю. Именно таким и должен быть будущий новгородский или киевский князь – поистине «первый среди равных».

Почему Рюрик не отправил Олега в поход на Константинополь вместо Аскольда и Дира, для историков является загадкой. Возможно, в начале его правления опытные дружинники Аскольд и Дир пользовались у него большим доверием. Возможно, военное мастерство Олега требовалось на не слишком гостеприимной новгородской земле – подробности остаются неизвестными. Скорее всего, в период первого константинопольского похода Олег был, по понятиям того времени, слишком молодым и не зарекомендовал себя таким искусным дипломатом, как, например, Аскольд. Возможно, что эта неприязнь к «обошедшим его на полкорпуса» Аскольду и Диру не давала ему покоя все годы правления Рюрика и в конечном итоге и стала истинной причиной гибели киевских правителей. Версия о том, что «вечно второй» Олег тяготился своим подчиненным положением, может быть признана спорной. Тем не менее его активное участие в константинопольских походах, подавлении новгородского восстания Вадима и решительная борьба с кочевниками указывают на характер агрессивный и деятельный. То, что Олег с общего согласия назвал себя представителем княжеского рода, свидетельствует об имевшихся у него определенных правах на престол или вассальное правление и амбициях, оставленных без внимания как самим Рюриком, так и новгородской аристократией.

До захвата Киева согласно летописи Олег предпринял военные набеги на территории любечских и смоленских славян. Эти атаки оказались успешными, так же как и вторжение в Киев, и весьма укрепили положение Олега среди дружины как «первого среди прочих». «Ознакомительные» набеги русичей на Константинополь в 860-х гг. становятся во время его правления почти традицией. Подчинив Киеву ближайших соседей – радимичей, древлян и северян, Олег не только расширил подвластную территорию, но и существенно пополнил киевскую казну. С непокорными тиверцами и уличами он воевал неустанно в течение всего своего правления. Правда, осадившие столицу Киевской Руси угры стали исключением из общего правила. Их не только не удалось победить, но даже пришлось заплатить им выкуп, и только после этого они убрались восвояси.

Интересно, что не имевшему серьезных конкурентов в киевских землях Олегу невероятно везло. Его мечту о самостоятельном княжении можно считать сбывшейся. Более того, в 907 и 911 гг. он совершил два победоносных похода на Константинополь. И от своего имени в кругу своих дружинников он подписал с византийским императором договор о контрибуции и дальнейшем сотрудничестве.

Конечно, указанное в летописи число воинов Олега (80 000 человек) кажется современным историкам фантастическим, но не подлежит

сомнению, что его армия была действительно велика и устрашающе боеспособна.

В связи с этим хрестоматийный рассказ об «Олеговой хитрости» представляется характерной иллюстрацией его тактической смекалки и воинской доблести. Перегородившие акваторию порта металлическими цепями греки также проявили военную хитрость и рассчитывали надолго избавиться от алчных завоевателей. Но приказавший за одну ночь донести корабли на руках до ворот Константинополя Олег совершил настоящую «психическую атаку», против которой византийцы не устояли. И главным приобретением Киевской Руси в этом походе стала не столько огромная дань, сколько заключение договора, разрешавшего русским купцам торговать без уплаты пошлины и таможенных сборов (за счет чего регулярно и пополнялась казна Византии). Это было признаком экономической стратегии, пусть и в начальном варианте. В мирном соглашении от 911 г. Олег именуется «великим князем». Этот договор «о вечном мире и ненападении» также имел большое дипломатическое значение, высоко поднявшее престиж Киевской Руси за рубежом.

По одной летописной версии, Олег скончался в 912 г., по другой – в 922 г. Все источники упоминают поэтическую версию гибели Олега «от своего коня», но приписывают ей вполне прозаическую причину – отравление змеиным ядом. Тем не менее в общем-то чуждый мистики, проницательный и достаточно прагматичный варяг в былинах XII–XIV вв. отождествляется с непобедимым князем-колдуном Волхом Всеславьевичем, что свидетельствует о том почтении, которое испытывали соплеменники к его выдающимся уму и физической силе.

Аскольд (?—882) и Дир (?—882)

Аскольд и Дир согласно летописным данным являлись дружинниками Рюрика. И хотя история первых киевских князей имеет множество разночтений, доподлинно известно, что они не были его родственниками, но пользовались большим доверием новгородского князя. Именно их он послал во главе завоевательского похода на Константинополь в 864–866 гг. (примерная датировка летописью). Согласно одной из версий буря помешала Асколду и Диру добраться до византийской столицы, и, убоявшись княжеского гнева, они решили не возвращаться в Новгород, а сами стать князьями в земле полян. В те времена поляне не имели своих князей, сообщает летописец, но платили дань хазарам и терпели от них притеснения. Аскольд и Дир предложили полянам защиту в обмен на тот «взнос», который прежде доставался хазарам, и стали править.

По другой версии, они с самого начала не собирались нападать на Константинополь, так как Аскольд якобы уже был христианином. И с самого начала, отправляясь в поход, они надеялись стать независимыми князьями, а не «служить под началом». В дворцовой книге византийских императоров среди совершивших поход варягов и русов их имена не упоминаются, а это значит, что до Константинополя они не дошли. В Киеве народ под их властью жил мирно и спокойно и был доволен своими правителями.

Против этой версии говорит отсутствие каких-либо репрессивных мер со стороны Рюрика по отношению к своим «боярам», нарушившим приказ.

Известно, что в Новгороде местная власть не была довольна правлением варягов. В летописях упоминается восстание Вадима (очевидно, представителя аристократии русичей), убитого по приказу Рюрика. После подавления восстания часть новгородской знати бежала на киевскую землю под защиту Аскольда и Дира, и это очень возмутило Рюрика и его воевод, одним из которых был знаменитый Олег.

Польские летописные хроники считают и Аскольда, и Дира младшими родственниками Рюрика, которые имели прав на киевский престол значительно меньше, чем сын Рюрика Игорь

и другой его родственник – Олег. Поэтому их убийство Олегом осталось безнаказанным, так как послужило возмездием за самовластие.

Неклассические летописи, например Иоакимовская, известная только в пересказе историка XVIII в. В. Татищева, утверждают, что Аскольд и Дир княжили не одновременно, но один после другого, причем Аскольд был варяжским князем, а Дир – славянским, и имя его переводилось, как «зверь». Подобные сведения можно почерпнуть и в заметках арабских путешественников раннего Средневековья, но эта версия остается спорной.

Все источники сходятся на том, что после смерти Рюрика (в 879 г.) мирному существованию киевских князей угрожал другой фаворит Рюрика – Олег, постепенно сосредоточивший в своих руках власть и влияние в новгородских землях. Через три года Олег, ставший регентом-соправителем при малолетнем Игоре, появился у ворот Киева. Согласно летописным источникам богатая киевская земля привлекала его уже давно, а удобное расположение города вблизи от известных торговых путей служило стимулом для объединения новгородских и киевских земель под своим началом. Разумеется, свои интересы Олег отождествлял с интересами семьи Рюрика. Ради этого ему казались приемлемыми любые средства: выманив обманом Аскольда и Дира из-за городских стен, он предательски убил их в присутствии своей дружины и юного князя.

О мире и спокойствии, царивших тогда в киевских землях, говорит и тот факт, что Аскольд и Дир вышли к Олегу безоружными и не имея под одеждой даже легких доспехов, что облегчило задачу Олега. Подобная бесхитрость, стоившая им жизни, объясняется их уверенностью в собственной безопасности и тем влиянием, которым они пользовались на подвластной им территории.

Перед тем как казнить безоружных киевских правителей, Олег объявил, что карает их по праву, так как они, будучи не княжеского рода, захватили власть в городе и окрестностях. Власть, как объяснил Олег (по словам летописца), должна принадлежать потомственным князьям, т. е. Игорю или ему, Олегу. Интересно, что ни дружинники, ни киевский народ не вступились за Аскольда и Дира, а это доказывает, что аргументы Олега они сочли правильными. После чего некто Ольма, которого разные источники считают то дружинником Аскольда, то местным купцом, похоронил убитых. Причем над могилой Аскольда воздвигли церковь, а над могилой Дира – нет. Историки видят в этом обоснование того, что Аскольд к тому времени уже был крещен в христианство (называют даже данное ему имя Николай), а Дир оставался язычником, как и многие другие рядовые варяги и киевские князья.

Фавориты Игоря Старого: Прекраса (Ольга), Свенельд

Сын Рюрика Игорь Старый, как его иногда называют, буквально вырос на руках своего «дядьки» и соправителя Олега и стал самостоятельным киевским князем только после его смерти. Если верить летописным свидетельствам, то в 882 г. ему было 3 или 4 года. Игорь получил киевский престол по наследному праву, но вопреки околоисторическому расхожему мнению никогда не находился в чьей-либо тени. Все уже было решено за него еще до начала его правления. Личную власть в Киеве он получил согласно летописной традиции уже взрослым человеком, и от него требовалось только поддерживать сложившийся порядок. Когда через несколько десятилетий после смерти Олега Игорь на правах «друга-захватчика» посетит Константинополь (в 941 г.), то услышит от византийского императора предложение «взять ту дань, что обычно брал Олег, с добавлением».

Это значит, что ужас, который наводили дружинники Олега на византийцев, был настолько силен, что сохранился и много лет спустя после его визита. Кроме того, сам Игорь зарекомендовал себя настолько хорошим воином, что даже непомерная «плата за мир», навязанная Олегом в качестве обязательного условия дружбы и сотрудничества, не казалась императору слишком высокой. Постоянно воюя с хазарами, византийцами и буртасами, Игорь практически не бывал дома и нуждался в надежной опоре, верных людях, которые могли бы «присмотреть» за государством в его отсутствие и собрать необходимую дань с подвластных народов. Эти же люди после его гибели, вызванной непомерной жадностью, а точнее, вынужденной погоней за средствами, и должны были встать у руля Киевской Руси до совершеннолетия его малолетнего сына Святослава.

Таковыми надежными сподвижниками стали самые близкие для Игоря люди – жена Ольга и ее брат (по другим источникам, младший дядя) Свенельд, служивший у него воеводой. Не слишком давно покоренные соседние племена бунтовали.

Постоянные войны, которые вел Игорь Старый, требовали материальных и человеческих ресурсов. Это вынуждало князя идти на поводу у дружины и не могло закончиться хорошо.

Поэтому политика, проводимая доверенными лицами киевского правителя, с одной стороны, укрепляла их личную власть, а с другой стороны, должна была привести и к укреплению государства в целом.

Прекраса (Ольга) (894–969)

Верная спутница киевского князя, известная из источников под именем княгини Ольги, происходила из города Пскова, из уважаемой, но небогатой варяжской семьи. Источники упоминают, что с Игорем Ольга познакомилась у реки, где она, переодетая в мужскую одежду, была перевозчиком. Называют и славянское имя девушки – Прекраса, которое, возможно, являлось обычным для тех времен прозвищем. Былинный образ девицы-богатырши, с одной стороны, говорит о недюжинной предприимчивости будущей княгини и некоторой авантюристической жилке в ее характере. С другой стороны, показывает сложное материальное положение ее семьи, в которой дочь не имела возможности «сидеть в тереме за прялкой», а должна была помогать родным зарабатывать на жизнь. Конечно, это свидетельствует и о превосходной физической подготовке, и об умении постоять за себя (в случае необходимости).

Некоторые источники утверждают, что Ольга происходила не из варяжского рода, а из семьи болгарских правителей. Эти сведения, хотя и разделяются частью исследователей, но на самом деле могут также говорить только о наличии славянского компонента в ее родословной.

По одним летописям, свадьба Игоря и Ольги произошла в 903 г., по другим – много позднее; известно только, что одним из сватов выступал знаменитый Олег, высоко оценивший ум, красоту и проницательность княжеской невесты. Известно, что, кроме будущего киевского князя Святослава, у Игоря Старого и Ольги были еще несколько детей. Некоторые данные указывают на то, что у Игоря было несколько жен (по языческой традиции), но Ольгу он любил больше всех, и именно она оставалась в качестве местоблюстительницы управлять государством, когда Игорь пропадал в бесчисленных завоевательских походах.

Имя Ольги упоминается в дворцовых книгах византийских императоров, которые перечисляют европейских правителей того времени. Русско-византийский договор 944 г. называет Ольгу «правительницей русов» и владычицей их земель. Это показывает, каким влиянием пользовалась Ольга как в русской земле, так и в Византии. Через год после своего появления в Византии Игорь трагически погиб от рук древлян. Сама гибель его, связанная в источнике с алчностью русского князя, обусловлена постоянным ведением завоевательских и оборонительных походов, которые осуществлял Игорь. Более того, он был, как представляется ряду исследователей, вынужден идти на поводу у дружины, требовавшей дополнительных средств, и поэтому отправился к древлянам за повторной данью. Дружина обеспечивала князю и государству безопасность и регулярный сбор налогов с покоренных земель. Взамен этого она ожидала привилегий и дополнительного, увеличенного содержания, иначе, «возроптав», по норманнскому обычаю могла уйти к тому, кто предоставил бы ей лучшие условия. Разумеется, древляне не видели иного выхода, кроме физического устранения князя. Кроме того, в этом воинственном и сильном народе еще сильна была память о прежних вольностях, и потому его вождями был придуман беспроегранный ход: к убитой горем Ольге, оставшейся с малолетним сыном на руках, прислали древлянских старейшин-сватов с требованием выйти замуж за древлянского князя Мала. Был ли древлянский вождь лично повинен в гибели киевского князя, об этом источник умалчивает. В случае согласия Ольги (или киевских старейшин) как полагали древляне, их народ получил бы независимость и власть над всей территорией Киевской Руси. Ольга и ее советники по заслугам оценили древлянскую хитрость. Убийц князя Игоря следовало наказывать, да так, чтобы надолго отбить и у них, и у любых других «сепаратистов» желание противостоять власти киевских правителей. Отсюда и берет начало легенда о «кровожадности Ольги».

Нет, это была хорошо спланированная акция по устрашению, намного превосходившая тот ущерб, который нанесли древляне Киевской Руси. Кроме того, так как во время этих карательных операций погибли практически все древлянские старейшины (т. е. лучшие и умнейшие представители этого народа), в древлянской земле буквально не осталось тех, кто в дальнейшем смог бы придумать и осуществить какой-либо достойный по силе и хитрости акт возмездия. Это было целенаправленное уничтожение самых авторитетных и достойных соперников, а оставшиеся, частично обращенные в рабство, были слишком слабы и напуганы для того, чтобы задумываться о мести. Ряд исследователей считают, что первая месть Ольги (захоронение в ладье древлянских послов) имеет свой исток в древнем норманнском погребальном обряде и явно доказывает варяжское происхождение правительницы Киева. Ее иноземное происхождение выдает и полное пренебрежение к родовым законам гостеприимства в трех основных случаях легендарной мести: убийства сватов, посланных древлянами, в ладье и бане, а также на поминальной тризне по Игорю, когда захмелевшие безоружные гости были перебиты киевскими дружинниками.

После этих жестоких, но решительных поступков авторитет первой русской княгини вознесся на небывалую высоту. То, что ей безоговорочно повиновалась дружина Игоря, является свидетельством признания Ольги полноправной преемницей киевского князя. Она заслужила почет и уважение и как верная жена, отомстившая за любимого мужа, и как государственная

деятельница, остроумным и надежным, но крайне бесчеловечным способом избавившая государство от мятежников.

Летопись сообщает, что через год, в 946 г., Ольга лично возглавила поход на древлян, с тем чтобы окончательно подчинить Киеву их мятежную землю. Некоторые исследователи связывают это с ритуальным годичным поминовением убитого князя Игоря.

После своего сокрушительного поражения в бою уцелевшая древлянская аристократия затворилась в своей столице, приготовившись выдержать долгую осаду. Тем временем Ольга использовала предоставившуюся возможность для того, чтобы пройти «вдоль и поперек» древлянскую землю. Властью своей она установила единые для всей киевской земли правила сбора дани и налогов и сформировала административные округа с преданными ей людьми, тем самым показав свою справедливость. Основанные ею села и крепости (погосты) служили укреплению государства и развитию торговли, а сборы, получаемые с них, пополняли ее личную казну. В источниках не указано, что репрессии киевской княгини затронули простых древлян, охотников, рыболовов и землепашцев. Гнев ее касался представителей родовой аристократии, хранившей верность докняжеской независимости. По возвращении из этого похода Ольга предприняла еще одну попытку взять приступом столицу древлян – город-крепость Искоростень. Но здесь ее ждала неудача. А долгая осада измотала бы утомленных походом дружинников и не факт, что закончилась бы их легкой победой. Отступить же после стольких затраченных усилий Ольга не могла. Военная хитрость и холодный расчет в очередной раз сослужили ей хорошую службу. Считается, что приведенный в летописи пример о взятой с древлян дани в виде живых птиц первоначально использовался еще древнегреческими историками. В таком случае начитанность Ольги имела еще и практическое значение. Превращенные в живые зажигательные снаряды, птицы ринулись в город, сея разрушения и панику среди его жителей. Деревянная крепость древлян выгорела за считанные часы. Это стало полным поражением мятежного народа и триумфом киевской княгини, с богатой добычей и толпой пленных вернувшейся из опасного похода.

Следующие три года Ольга провела в «устройении» своего государства. Летопись упоминает каменные города, церкви и терема, построенные княгиней в разных частях страны. История ее жизни является примером подчинения личного интереса государственному, личного счастья – благополучию страны. Рано возмужавший сын ее Святослав словно бы наследовал судьбу своего отца, проводя в походах свое основное время. Управлять Киевским государством приходилось княгине Ольге. Но государственные интересы требовали не только сохранять и приумножать имеющиеся ресурсы, но и достойно представлять державу за рубежом. Христианские правители Европы не могли не презирать государство язычников и соответственно рассматривать его как более или менее легкую добычу, рассчитывая на покорение дикого и неграмотного народа, жившего на зависть богато и спокойно. Успешный государь того времени, равный среди равных, должен был быть христианином.

Ольга и ее советники это понимали. Киевская княгиня, по некоторым данным, уже к тому времени была христианкой. Об этом в том числе свидетельствуют и наличие в ее свите священника Григория, упомянутого в византийской дворцовой книге, и постройка ею церквей, и богатые дары церкви Святого Николая, возведенной над могилой убитого Олегом Аскольда. Было ли принятие Ольгой христианской веры делом глубоко личным – для водворения мира в душе или исключительно политическим, сказать трудно. Но определенно известны ее попытки обратить «к истинной вере» собственного сына Святослава. Попытки эти не увенчались успехом. Удачливый и бесстрашный воин, он только отмахивался от ее уговоров и был по-своему прав: его закаленная в боях дружина состояла из неисправимых язычников. Уже позднее чуть не погибли послы епископа Адальберта, призванные в страну для того, чтобы распростра-

нить христианство в Киевской Руси. Поэтому политический акт принятия общепризнанной в Европе веры Ольга взяла на себя. С этой целью в 955 г. состоялась ее поездка в Константинополь, организованная для того, чтобы закрепить международный авторитет Киевской Руси.

Немногие знают, что в те времена новообращенному государю-христианину или рыцарю полагались богатые подарки (в случае Ольги – от византийского императора) и прощение грехов как прошлых, так и будущих (речь не шла о тяжких преступлениях). Кроме того, им были обеспечены покровительство и помощь европейских государей и византийского императора.

Поскольку с Византией еще со времен Рюрика и Олега отношения у Киевской Руси были весьма неоднозначными, наладить их под благовидным предлогом крещения великой княгини представлялось весьма уместным. К слову сказать, византийский император давно подумывал о присоединении к своей державе, постоянно нуждавшейся в дополнительных источниках дохода, богатого Киевского княжества, в которое столько раз уходила немалая доля его казны. Недвусмысленное предложение о браке (уже который раз по расчету и против ее воли) Ольге помогла отклонить врожденная хитрость. На ее родовом гербе можно было бы написать: «Соглашайся, но поступай по-своему». Этот основополагающий дипломатический принцип лег в основу ее государственной стратегии. Тем более, что при византийском дворе положение почетного гостя порой легко нивелировалось до участи знатного пленника, заложника, а то и узника. И далеко не каждый знатный посетитель, вошедший в императорский дворец, выходил оттуда на следующий день (если вообще выходил). Предложение Ольги о предварительном крещении император воспринял как ничего не значащую уступку и даже вызвался сам быть кресным отцом прелестной язычницы. Их будущее бракосочетание сулило ему немалые выгоды, а дальнейшая судьба киевской княгини мало кого волновала. Она могла навеки исчезнуть на женской половине императорского дворца, могла быть незаметно пострижена в монахини; имелись и не столь гуманные варианты, весьма распространенные в те времена. Но Ольга по достоинству оценила факт публичности крещения и последующего сватовства императора и постаралась максимально использовать это. Ведь на пышном торжестве крещения присутствовали посланники европейских государей, высшие церковные иерархи, цвет аристократии цивилизованных стран. И когда обнадеженный предстоящей женитьбой император Византии, богато наградив новообращенную крестницу дарами и комплиментами, предложил ей свои руку и сердце, ничуть не сомневаясь в положительном ответе (в силу тех или иных причин), то со знаменитым остроумием ему ответили, что с дочерью, даже крестной, брак быть заключен не может. Это противно всем религиозным и человеческим законам. Такого коварного удара император не ожидал. Но культура средневекового публичного диспута требовала от него «сохранить лицо» в присутствии стольких важных особ, и император был вынужден подчиниться обычаю. Ольга благополучно вернулась домой, в очередной раз отстояв престиж и независимость своего государства. И только византийский летописец отметил ее «неблагодарность».

После этого Ольга спокойно прожила еще тринадцать лет. В ее жизни не было больших потрясений. Она по-прежнему занималась укреплением и устройством Киевской Руси, а ее сын Святослав, как когда-то муж Игорь, пропадал в походах, оставив на нее малолетних детей и державу.

В 961 г. она осуществила еще одну безуспешную попытку пригласить в Киев христианских миссионеров. Однако время для крещения Руси еще не наступило. Разногласия в вопросах веры и стремление расширить пределы государственных границ побудили Святослава поселиться отдельно, оставив столицу, и его новой резиденцией стал город Переяславец. Поглощенный войной с болгарами, он едва успел прогнать осадившие однажды Киев печенеж-

ские орды. Ольга и дети Святослава затворились в Киеве, приготовившись выдержать осаду. Это потрясение тяжело сказалось на здоровье княгини, и она оставила сына в Киеве, предчувствуя печальный исход своей болезни. Ольга скончалась летом 969 г. и была похоронена любящим сыном по христианскому обряду. Исторические памятники великой княгине находятся во Пскове, который она повелела украсить каменными строениями, в белорусском городе Коростене и Киеве. Псковская набережная и старинный мост в этом же городе до сих пор носят ее имя.

Свенельд (?—980)

Воевода Свенельд, безусловно, был фаворитом киевского князя Игоря, настолько сильным было его влияние и при этом правителе, и при его преемниках – князьях Святославе и Ярополке. Согласно историческим источникам Свенельд, варяг по рождению, приходился родственником княгине Ольге и в полной мере воспользовался предоставленным ему правом оказывать влияние на ее супруга. В ранней истории Киевской Руси имя Свенельда практически не встречается. Во время правления Олега Свенельд, по-видимому, участвует в походах против мятежных соседей киевлян – древлян и уличей. Поскольку летопись изображает его прославленным воеводой, фаворит князя должен был по устоявшейся традиции быть настоящим богатырем и при этом обладать недюжинной боевой смекалкой. Воеводу Икмора, вместе с которым Свенельд в 941 г. участвовал в походе на Константинополь, византийская летопись рисует именно таким. Свенельд пользовался большим доверием Игоря, для которого он собирал полудье среди непокорных древлян. Судя по тому, что у воеводы была своя дружина (т. е. он сам содержал ее), его авторитет был не ниже, чем у киевского князя, а среди своей дружины – безусловно, выше. Так, своих ратников согласно летописи Свенельд обеспечил так, что они были одеты лучше, чем воины Игоря, и оружие у них было выше классом.

Конечно, выполняя волю киевского князя, и фаворит, и его дружина не забывали о личной пользе и, скорее всего, вели себя как захватчики на чужой территории, не брезгуя порой и откровенным грабежом.

Игорь ничего не спросил со Свенельда, а предпочел второй раз взять дань с одних и тех же древлян, чтобы не ссориться с фаворитом и сохранить свой престиж в личном войске. Это свидетельствует, по мнению исследователей, как о высоком авторитете Свенельда, так и о том, что древлянская земля не была отдана ему в «кормление», иначе миролюбивый киевский князь нашел бы другой источник дохода для своей дружины. В то время основным источником пополнения княжеской казны были полудье и завоевательские походы; древляне были одним из немногих подвластных племен Киевской Руси, и с помощью этой «золотой жилы» и обеспечивал себя фаворит. Игоря и Свенельда связывали не только государственные интересы. Это было своего рода боевое братство, так как верный воевода сопровождал князя во всех крупных походах: на Византию в 941 г., в Закавказье в 943–944 гг. и на усмирение древлянских племен в 944 г. Правда, во время «второго побора» Игоря Свенельд уже достиг Киева и не мог находиться рядом с князем в момент его гибели. Тем не менее именно фаворита некоторые историки считают косвенно повинным в гибели киевского князя. Развивая эту мысль, можно предположить, что после смерти Олега Игорь был единственным, кто стоял между государственной властью и Свенельдом. После гибели Игоря верный воевода и воспитатель малолетнего Святослава Асмуд возникают рядом с княгиней Ольгой.

Они сопровождают ее во время наказания древлян, в византийской поездке. Можно предположить, что именно благодаря Свенельду и Асмуду молодой Святослав постигал воинское мастерство. Воевода сопутствует молодому князю во всех походах (на хазар, ясов и касогов, болгар), выступает его верным помощником и советчиком. Он является воспитателем

малолетних сыновей киевского правителя – Ярополка, Олега-младшего и Владимира, отдавая предпочтение Ярополку как будущему наследнику первой руки. Тем не менее, сопровождая Святослава в его последнем походе на греков в 971 г., из которого киевский князь уже не вернется, фаворит предупреждает его об опасности выбранного пути возвращения и оставляет своего воспитанника и повелителя, отправившись другой дорогой и благополучно достигнув Киева. Святослав, как известно, потеряв в бою значительную часть воинов, погиб в битве с печенегами. Трон в Киеве занимает его старший сын Ярополк, а при нем – его бессменный «дядька» Свенельд. Ведущую роль при киевских князьях фаворит распространяет и на своих сыновей – Люта и Мстишу. Лют, пользуясь влиянием своего уважаемого отца, по-прежнему продолжает охотиться на бывших древлянских территориях, несмотря на то что они по завещанию Святослава отданы во владение его сыну – Олегу-младшему. И всем это видится в порядке вещей. Во всяком случае недовольных голосов не было слышно. Можно объяснить привилегированное положение воеводы Свенельда его беспримерными удачливостью и чутьем, военной смекалкой и практической хваткой, умением оказаться в нужном месте в нужное время и др. Историки объясняют это проще – молодое Киевское государство во многом несло на себе отпечаток былых родовых и семейных традиций. И отношения среди варяжской аристократии, князя и его воевод во многом носили патриархальный характер, а не строились по иерархическому принципу «хозяина и слуги». Пребывание представителей элиты на данной территории носило условно-временный характер, особенно в первом – втором поколениях.

Старшие по возрасту воеводы, бывшие к тому же дальними родственниками князя, как бы опекали его, направляли его политику, пусть и не без выгоды для себя, в необходимое русло. Их сыновья росли вместе с молодым князем, в их отношениях присутствовали некий дух товарищества и в то же время чувство соперничества.

Но четвертое поколение князей выросло однако в условиях более или менее сформировавшейся иерархии, когда каждая данная территория уже принадлежала им по наследству, и они требовали от своих сверстников-товарищей и дружинников соблюдения положенной субординации. Поэтому Олег-младший, сын Святослава, застигнув Люта охотящимся на своей древлянской земле, убил его за проявленную дерзость. И с подобным ничего сделать было нельзя. Наступило новое время со своими законами, и к этому следовало привыкнуть. Свенельд же не оставил убийство сына безнаказанным. Не в его правилах было отступать от устоявшихся традиций. И дело не в том, что Люту негде было охотиться. Издавна Свенельд считал себя вправе вольно чувствовать себя на княжеских землях, так как он и его дружина обеспечили эту территорию князьям. И за пренебрежение к этим принципам Олег жестоко поплатился. С коварством испытанного воина Свенельд развязал братоубийственную войну, натравив на Олега его родного брата Ярополка, как гласит летопись, в 977 г. Он хорошо знал цену братской любви русских князей. Это при нем согласно летописи язычник Святослав казнил за христианскую веру своего единокровного брата Глеба. И Олег погиб от руки своего брата Ярополка. Прямой вины Свенельда и в этом случае не наблюдается. Известно, что молодой Святославич упал с коня в ров и погиб в нем во время нападения Ярополка. Но «рука Свенельда» направляла Ярополка во время братоубийственной схватки. Фаворит остался доволен: его сын был отомщен равной «ценой крови», что, в принципе, тогда было немыслимо. Через некоторое время упоминания о Свенельде окончательно исчезают из исторических документов. Скорее всего, он умер через несколько лет – примерно в 980-х гг. Второй его сын также не фигурирует в источниках. Не обладая воинской доблестью, авторитетом и хитростью отца, он растворился в числе рядовых дружинников, ничем не проявив себя с государственной точки зрения.

Фаворит Ольги: Святослав (?—972)

Известно, что у Игоря Старого было несколько жен. Но только Ольга стала самой любимой и уважаемой им и вошла в историю как первая русская княгиня. Ее первенцем, наследником правителей Киевской Руси, был Святослав. По характеру, да, скорее всего, и по внешнему виду он очень походил на отца. Ему Ольга отдала свою материнскую любовь и именно с ним связывала свои честолюбивые надежды. Он был ее защитником, надеждой и опорой в трудные минуты, о нем беспокоилась княгиня, когда молодой князь пропадал в завоевательских походах, оставив государство в надежных материнских руках. Летопись условно относит рождение Святослава к 941–942 гг. Он родился перед поездкой Игоря в Константинополь и воспитывался на руках того самого Свенельда и Асмуда.

Сохранилось летописное упоминание о первом сражении Святослава: взятый Ольгой в 945 г. в «поход возмездия» на древлян, мальчик сидел на коне у воеводы Асмуда и по его наущению первым бросил во врагов копьё, подав пример остальным дружинникам. Так же и отец его Игорь сидел некогда на руках у Олега, добывшего для него Киевское княжество. Согласно летописным данным Асмуд был уже пожилым воеводой, который еще с Олегом ходил в византийские походы, и имя его упоминается в императорской дворцовой книге. Это был своего рода «честный свидетель», исправно выполнявший поставленные задачи, но лишенный в отличие от Свенельда особой предприимчивости. Во всяком случае именно он научил Святослава всей воинской премудрости, которой обладал, в том числе умению обращаться с оружием всех видов и борцовскому искусству. Известно, что легкий на подъем киевский князь был неприхотлив в еде, большую часть дня мог провести в седле и в походе ограничивался тем, что поддерживал силы водой и слегка поджаренными полосками любого мяса. Это сохраняло его здоровье лучше любого знахаря, так же как и подчеркнутая несколькими источниками личная опрятность. Как и большинство дружинников, Асмуд и Свенельд были язычниками, таким же стал и Святослав. Никакие уговоры матери на него не действовали, так как дружина была гарантией его силы и мощи государства, а ее кодекс воина с христианскими правилами и обрядами ничего общего не имел. Та же система ценностей, унаследованная от отца и языческих предков, сделала Святослава и сторонником многоженства. В те времена это было естественно, а многочисленные походы предоставляли широкие возможности для пополнения женской половины дворца. Ольга не вмешивалась в личную жизнь сына. Наверное, духовно ей был ближе старший сын Ярополк, мать которого была пленной греческой монахиней. Именно он и унаследовал киевский трон. О других детях Святослава она также заботилась, но они ее мало интересовали, кроме, пожалуй, Владимира – сына ее ключницы Малуши. Уделом его стал Новгород – историческая родина Рюриковичей. Но это отдельная история. Сам же Святослав дни свои проводил в «седле и походе». Внешность его приближенно описывают византийские источники – был он среднего роста, жилист и широкоплеч. Хмурые голубые глаза под густыми бровями и знак царского рода – прядь волос на гладко выбритой голове – довершали образ киевского князя. Озабоченность Святослава состоянием дел была понятна. В общем территория государства была «устроена». Одни вятичи из соседей-славян оставались непокорными киевскому князю. Неукротимый нрав гнал его расширять пределы государства, и присоединение этих хазарских данников стало стимулом для его дальнейших походов. Борьба продолжалась несколько лет. В 965–968 гг. походы киевского князя следуют один за другим. Так, захват вятских земель спровоцировал борьбу с Хазарским каганатом, располагавшимся на Волге. Там Святослав разграбил столицу волжских булгар Семендер, а затем отправился в Закавказье – покорять племена яссов и касогов. Одолев, как гласит летопись, в честной борьбе касожского правителя Редедю, Святослав добавил данные земли к списку своих побед, но не остановился на этом.

Исследователь Лев Гумилев называл людей такого склада пассионариями, но со стороны иногда казалось, что киевскому князю все равно «кого воевать», лишь бы не заниматься государственными делами на родине. Такой же упрек высказал ему и летописец.

Объяснялось это, скорее всего, не столько беспокойной натурой самого Святослава, сколько необходимостью постоянно расширять и укреплять государственные границы соответственно поговорке «Волка ноги кормят». Источники и вслед за ними некоторые исследователи считают, что по материнской линии Святослав имел отношение к болгарскому королевскому дому и его интерес к Дунайской Болгарии не случаен. Издавна воинственные болгары досаждали Византии – «заклятому другу» киевских князей. А мобильного Святослава уговорить на еще один военный поход ничего не стоило. Примерно так и поступил очередной византийский император Никифор, посуливший Святославу помощь материальную и военную. Его союзники, угры и печенеги, славились агрессивностью и способностью воевать на чьей угодно стороне, лишь бы хорошо платили. Не таков был киевский князь. Историки называют его «первым рыцарем» Киевской Руси. Кодекс воина, требовавший постоянно находиться в походе, он довел до крайности, честно предупреждая противников перед началом боя: «Иду на вы». Эта хрестоматийная фраза является не просто иллюстрацией его прямого открытого характера. Она свидетельствует и о бескомпромиссности молодого князя, и о чрезмерной самоуверенности, честности, неискушенности в делах большой политики, что в конечном итоге и стало причиной его гибели. По мнению исследователей, искусно подогревая притязания Святослава на болгарский престол, византийский император рассчитывал решить сразу две проблемы: ослабить распоясавшихся болгар и устранить при благоприятной возможности Святослава, внушавшего немалые опасения своей чрезмерной активностью. Поход Святослава оказался победоносным. Киевский князь триумфально занял ряд городов, но не остановился на этом, а решил превратить всю Болгарию в свое родовое владение. Озабоченный император Византии понял, что со своими расчетами он явно поторопился. Нанятые им печенеги, недавние сторонники Святослава, осадили Киев в 968 г.; и князь, бросив болгарские владения, отправился выручать запершихся в Киеве мать и свое потомство. В этой связи некоторые исследователи считают, что город Переяславль (Переяславец), новая вотчина Святослава, был основан им с целью сделать его столицей нового княжества: объединенных Киевской Руси и болгарских территорий. Отвлекающий маневр императора Византии не удался. Его преемник Иоанн Цимисхий (Цимисхий) смотрел на вещи гораздо проще: нет человека – нет и проблемы. Поэтому, договорившись с болгарями о сопротивлении Святославу, он принялся терпеливо ждать и не ошибся. В Киеве Святослав нашел захворавшую княгиню и понял, что государственные дела требуют его личного внимания. Но он никогда не был к ним особенно близок и, словно задержавшись во времени, продолжал вести жизнь кочевого норманнского князя.

К этому же периоду документы, найденные в архиве русского историка В. Н. Татищева, относят и убийство Святославом своего брата Глеба (возможно, сына Игоря от другой жены) за исповедование христианства. Другими историческими документами этот случай не подтвержден, но можно предположить, что за конфликтом веры стоял конфликт власти.

Святослав отсутствовал слишком долго, чтобы среди сыновей Игоря от других жен не возникло стремления захватить управление государством в свои руки. Распределив по удельным городам своих малолетних сыновей, в 971 г. киевский князь снова появился в болгарских землях. Ему противостояло уже объединенное войско болгар и византийцев. Сторонники нового правителя в Болгарии, привлеченные дарованными им привилегиями, пытались поддержать Святослава, но безуспешно. Киевский князь не ожидал такого поворота событий. В кровопролитной битве он потерял много воинов, в том числе легендарного Икмора, бывшего

боевым товарищем еще его отца. Более того, отступивший под натиском неприятеля Святослав был в течение трех месяцев осажден императорскими войсками в крепости Доростол. Ему пришлось подписать вынужденный мирный договор с греками и отправиться восвояси. Верный Свенельд предупредил Святослава об опасности нападения кочевников, но киевский князь привык возвращаться морским путем и переубедить его было нельзя. Удостоверившись однако, что привлеченные лицемерным византийским императором печенеги караулили русское войско у днепровских порогов, Святослав решил переждать до весны. Водный путь таким образом был закрыт, а посуху двигаться ему показалось долго. В его войске было много больных и раненых. Свенельд отправился другим маршрутом и, как выяснилось впоследствии, благополучно достиг Киева. Святослав дождался весны, теряя воинов в результате начавшейся бескормицы, и предпринял отчаянную попытку прорваться к днепровским порогам. Сменяющиеся засады печенегов не упустили такого удачного шанса. Святослав был убит примерно в 972 г., и Киевская Русь потеряла еще одного князя. В какой-то степени он разделил судьбу своего отца, так как, оставив ради походов Родину, по словам летописцев, бесследно сгинул в чужой земле.

Фаворитка Святослава: Малуша (940–971 (978))

По примеру Игоря у Святослава было несколько жен (историки насчитывают до шести). Но любимой, самой верной, матерью его сына – будущего князя Владимира, собирателя земли русской, всегда оставалась Малуша. Она не играла ведущей роли в государственной политике, да это было и невозможно при княгине Ольге, а потом и при ее рано возмужавшем сыне. Историки называют Малушу дочерью Малка Любечанина, который был слугой княгини в городе Любече. Сама Малуша служила у Ольги ключницей, и в ее ведении было все огромное дворцовое хозяйство киевской княгини. Уже это говорит о большом доверии к Малуше и о ее недюжинных способностях в домоводстве и грамотности, так как без знания арифметики экономия невозможна, об умении разбираться в тогдашней «рыночной конъюнктуре» и об отличной памяти. Как таковая должность ключницы не считалась оскорбительной – у киевских князей в слугах и помощниках должны были находиться знатные люди. Это были привилегированные должности, а не рабская повинность. Некоторые сведения можно почерпнуть из второстепенных летописных сводов, в которых Малушу называют Малфрид и приписывают ей смешанное славяно-варяжское происхождение. То, что ее родной брат Добрыня – будущий воевода у киевского князя Владимира – носил чисто славянское имя, также вполне допустимо. Сам князь Святослав является тому примером. Как бы там ни было, но Святослав сошелся с Малушей без материнского благословения, и хотя из всех его сыновей именно рожденному от Малуши Владимиру суждено было обрести историческую славу и продолжить династию, он в глазах Ольги и ее двора долгое время оставался нелегитимным наследником. Другое дело – его вечный соперник Ярополк, сын «грекини», как пишут источники. С глаз долой, в деревенскую глушь отправила рассерженная Ольга провинившуюся ключницу. Не такой невесты хотела она своему единственному сыну! Согласно летописям там же, в селе Будутино, и родился Владимир примерно в 960 г. Как Святослав примирился с матерью и уговорил ее вернуть в Киев свою опальную фаворитку, остается загадкой до сих пор. Видно, он действительно любил Малушу и опекал ее, хотя и государственные интересы, и нежные чувства (а иначе бы он забыл ее и оставил все, как есть) мирно уживались у Святослава с любовью к остальным представительницам прекрасного пола. В киевском дворце был расквартирован весь «гарем» Святослава – его жены, наложницы и дети.

Неисправимый язычник и многоженец, киевский князь был сыном своей эпохи, и новая династическая иерархия, основанная на принципах законности, преемственности и (преимущественно) единобрачия пока с трудом побеждала царивший вокруг него языческий хаос.

При жизни княгиня Ольга заботилась обо всех наследниках своего сына, но потом судьбу фаворитки надо было решать окончательно. При первой возможности Малуша была отправлена в Новгород, а вместе с ней и Владимир – примерно в 970 г. Так Владимир стал законным новгородским князем, а Малуша – его соправительницей, «невенчанной княгиней». Чувство вины, кроткий нрав или покорность судьбе привели Малушу к тому, что сведений о ней сохранилось крайне мало. Неизвестно, осталась ли она в Новгороде или переехала в спокойную сельскую местность. На ее гербе можно было начертать старинное изречение «Живи незаметно». Тем не менее, судя по тому, что она и ее брат Добрыня сумели воспитать из княжеского отпрыска великого правителя, Малуша была достойной женщиной, в которой удачно сочетались доброта, наблюдательность и практичность. Первые найденные в Новгороде деревянные мостовые ориентировочно принадлежат к 970-м гг. и свидетельствуют о достаточно развитом городском благоустройстве. После утверждения Владимира на киевском престоле в 978 г. имя Малуши также не упоминается, что некоторыми исследователями трактуется как свидетель-

ство смерти относительно молодой женщины в период между 971 и 978 г. – возможно, от болезни.

Фаворит Владимира Святого: Добрыня (годы жизни неизвестны)

Добрыня был согласно преданию сыном Малка Любечанина и родным братом Малуши – фаворитки князя Святослава. Времени его рождения и смерти история не сохранила. Но известно, что он был воспитателем маленького князя, его наставником в воинской доблести и советчиком в государственных делах. Добрыня был дружинником Святослава. Он тяжело переживал отстраненность сестры от официальной дворцовой жизни и поэтому с радостью отправился в Новгород вслед за юным князем. Согласно некоторым данным он, неуверенный в том, какой удел достанется его племяннику, посоветовал Святославу отправить Владимира подальше от Киева (в Новгород), а приехавшим новгородским старейшинам – просить к себе малолетнего князя.

В это время Ярополку уже достался Киев, а Олегу-младшему – зажиточные древлянские земли. Расположенный в стороне Новгород являлся «отчиной» потомков первых киевских князей и вместе с тем – постоянным источником смуты и народного своеволия. Отсутствие в летописи сведений о бунтах во время правления там Владимира и его воеводы и советника Добрыни можно считать признаком успешной политики невмешательства, которую проводил молодой князь. Через несколько лет после смерти Святослава возникли смута и братоубийственная война между его детьми, в которой погиб Олег. Согласно летописи по совету Добрыни Владимир примерно в 977–978 гг. уехал к норвежскому правителю Хакону, опасаясь за свою жизнь. Добрыня внушил молодому князю, что следует бороться за киевский престол. Поэтому в течение двух лет Владимир и Добрыня набирали в Скандинавии войско для того, чтобы защитить Новгород и прогнать Ярополка. По возвращении воевода рассчитывал, что Владимир, по-прежнему самостоятельный новгородский князь, заметно улучшит свою судьбу династическим браком. С этой целью Добрыня присматривал ему выгодных невест. Так, по его совету Владимир заслал сватов к полоцкой княжне Рогнеде варяжского происхождения. Своенравная Рогнеда, к которой уже посватался Ярополк, смертельно оскорбила Добрыню и его сестру Малушу, назвав молодого новгородского князя «сыном служанки». Логично предположить, что сказанное Рогнедой было ею не раз слышано от родителей и их влиятельных гостей. Даже если в этих словах и была доля истины, ей определенно не следовало так поступать. После таких речей послы смиренно удалились, ничем не выдав своего возмущения, а взбешенный Добрыня все усилия направил на то, чтобы убедить князя завоевать полоцкие земли и отомстить самоуверенной княжне.

По распоряжению воеводы варяги захватили Полоцк, высокомерная княжна стала рядовой наложницей Владимира, а ее родители погибли от руки палача. Продолжая эту линию, Владимир захватил Киев, а скрывшийся от него Ярополк был убит варяжскими наемниками. Так, ориентировочно в 980 г. Владимир стал киевским князем благодаря предприимчивости и военной мудрости своего дяди-советника. И уже ничто не напоминало в нем юношу, в страхе бежавшего к норвежцам за помощью. Честь Добрыни и его сестры, матери великого князя, была восстановлена в полной мере. Помогавшие Владимиру варяжские наемники, по некоторым данным, были отправлены в Византию, и таким образом свидетелей хитроумия Добрыни не осталось. Сам же воевода скромно удовлетворился должностью новгородского наместника (посадника), сосредоточив в своих руках все экономические и политические ресурсы этого богатого города.

Примерно в 985 г. согласно историческим источникам Добрыня участвовал в болгарском походе киевского князя, что свидетельствует о его

хорошем физическом состоянии, а двумя годами ранее помогал ему покорять племена вятичей, радимичей и ятвягов.

Скорее всего, Добрыня был язычником и так же воспитал Владимира. По некоторым данным, во время его службы в Новгороде имели место ритуальные человеческие жертвы. В связи с этим в православных Святцах впоследствии появился день поминаения мучеников Федора Варяга и его отца, новгородских жителей, протестовавших против этого обычая и принесенных в жертву разъяренной толпой. Впрочем, эта чудовищная практика, скорее всего, была повсеместной, только в жертву обычно приносили военнопленных. Известно, что Добрыня поддерживал идеологическую реформу киевского князя и также обустроил в Новгороде храмовый комплекс славянских языческих божеств, причем «Перунов идол» был поставлен им на берегу реки, так же как и в Киеве. Активное участие принял Добрыня и в крещении Руси, также видя в нем средство укрепления государственной власти. В этом деле его соратниками выступили верные новгородцы: тысяцкие Путята и Воробей, активно подавлявшие сопротивление языческих жрецов и их сторонников. Есть сведения, что в Новгороде проводились своего рода религиозные диспуты между поклонниками старой и новой веры, до тех пор пока они не стали бесполезными.

И тогда крещение Руси стало добровольно-принудительным. Далее судьба Добрыни остается слабо освещенной в летописных источниках. Известно, что у него был сын Константин, также ставший в 1017 г. посадником, который верой и правдой служил сыну князя Владимира Ярославу. Так институт российского фаворитизма, передаваемый в рамках одной семьи «от отца к сыну» постепенно обретал наследственные черты.

Фаворит Ивана II Красного: А. Хвост (?—1357)

В отличие от фаворитов государей Киевской Руси доверенные лица московских князей, бояре и тысяцкие, не обязательно обладали могучей силой и воинской доблестью. Заметный «государственный» ум также был бы им явной помехой. Но у приближенных великого князя Ивана II Красного уже были наработаны те черты, которые в дальнейшем станут шлифоваться следующими поколениями фаворитов российских государей: доведенная до совершенства хитрость, способность к искусным интригам и стремление любой ценой заслужить доверие и расположение князя. Они не порывались руководить государством, им нужна была власть для устройства своих финансово-экономических дел. Служилое московское боярство вполне осознавало себя слугами великого князя и поэтому в массе своей философски относилось к надобностям государства, все же предпочитая решать свои проблемы за его счет. Князь Иван Красный заслужил прозвище «кроткого государя». Современники считали его слабовольным и безынициативным. Несмотря на то что Иван II снискал определенное положение в Орде, власть его вполне не признавали ни рязанские, ни новгородские, ни суздальские подданные, тверские и муромские владетели хозяйничали в его землях, а политический авторитет князя не подвергался сомнению по причине полного отсутствия такового. Большое значение Иван II придавал церковным делам, да и в повседневной жизни внимательно прислушивался к советам своего епископа Алексея. Он вернул в Москву всех опальных бояр и мятежников, которых изгнал из нее его старший брат Симеон Гордый, и в общении с ними представлял, скорее, частным лицом, чем повелителем и самодержцем. Некоторым из таких «возвращенцев» удалось расположить к себе «тихого и милостивого» царя и вполне укрепить свое положение за время его правления, например в их числе был боярин Алексей Хвост.

Этот фаворит московского князя происходил из старинного боярского рода. Алексей Хвост был сыном Петра Босоволкова-Хвоста, служившего еще Ивану Калите. Так как Москва в равных долях принадлежала трем сыновьям великого князя Ивана – Симеону Гордому, Ивану II и Андрею, то на правах старшинства преимущество получил Симеон, а его братья, по терминологии тех лет – «князья-совладельцы», обязывались признавать его первенство, получая право на треть всех доходов и создание личных администраций в своих округах Москвы. Урегулировать возникавшие территориальные и административные споры должен был назначаемый великим князем тысяцкий. При Иване Калите эту должность занимал некий П. Вельяминов. В его руках, кроме того, сосредоточилось управление налогами, доходами городского населения, переписью, распределением повинностей, судом над жителями города, торговлей и созданием ополчения.

В административных документах тех лет тысяцкий перечисляется сразу после братьев великого князя, что свидетельствует о его огромном влиянии при формальном подчинении главе московского государства.

Алексей Хвост сразу оценил те возможности, которые предоставляло сотрудничество с князем, его братьями и боярами, с одной стороны, и рядовыми горожанами и купечеством – с другой. При умелом подходе и благоприятных обстоятельствах можно было организовать своего рода оппозицию и принудить великого князя считаться как с боярами, так и с городским населением. Именно поэтому должность тысяцкого замыкала на себе интересы сразу нескольких политических групп и была ключом ко всем сферам городской жизни и хозяйства. Просто так сменить тысяцкого было невозможно – это было событием в политической жизни.

В доверие к князю Симеону Гордому Алексей Хвост выбился еще в 1340-х гг., когда был послан к его невесте, тверской княжне Марии, в качестве сопровождающего. Но честолюбивого Алексея не устраивало существовавшее положение дел. Должность тысяцкого была

«оккупирована» Вельяминовыми – также пользуясь расположением великого князя, этот пост занял сын Протасия Василий. Правда, можно было добиться поддержки младших князей – Ивана Красного и Андрея, с их помощью убрать Василия и самому занять эту должность. Алексей затеял деятельную интригу, подробности которой не полностью отражены в дошедших до нас исторических текстах. Известно, что, заручившись поддержкой части московских служилых бояр и купечества, он стал оказывать молодым князьям разнообразные услуги, особое предпочтение оказывая Ивану (как следующему по старшинству). Подобная его активность не осталась незамеченной великим князем Симеоном. «Смутьяна» подвергли строгому допросу и вместе с женой и детьми пожизненно выслали из Москвы, а его имущество конфисковали и передали во владение князю Ивану Красному. При этом у заподозренных в интригах княжеских братьев взяли письменные обязательства не помогать боярину-изгнаннику и его семье, не возвращать ему полученного имущества и довести до властей сведения о его местонахождении в случае бегства.

Значение «боярской смуты» было так велико, что, по воспоминаниям современников, Иван II принес умирающему старшему брату «страшную клятву» не пускать Хвоста обратно в Москву. Но после смерти Симеона никакие обстоятельства не могли удержать ловкого боярина вдали от столицы. Более того, изгнанный за «воровство и смуту» опальный фаворит имел твердое намерение вернуть себе доброе имя и достигнуть поставленной цели. Он не сомневался в том, что его заслуги не забыты новым московским правителем. Алексей Хвост не ошибся. Он был амнистирован в числе первых и среди других бывших изгнанников вернулся в Москву. После доверительного разговора с князем боярин Хвост добился желаемого. Ему была пожалована должность тысяцкого, и более того, по его просьбе особым указом московский князь сделал ее наследственной. Это свидетельствовало о том, каким доверием в глазах царя пользовался бывший изгнанник. С того времени авторитет Вельяминовых резко снизился, сторонниками нового тысяцкого им высказывалось оскорбительное недоверие, а князь Иван просто пренебрегал ими. Всем заправлял его новый любимец – тысяцкий Алексей. Хвост торжествовал. Он достиг того, о чем мечтал, но при этом не утратил народной приязни. Более того, преследования и лишения, которым он подвергся при предыдущем князе, только подняли его авторитет как «заступника горожан и купцов».

Справедливости ради следует сказать, что, по свидетельству современников, А. Хвост немало сделал для благоустройства города, искоренения преступности и правильного распределения повинностей и сборов. Должность обязывала соответствовать, и правление Ивана Красного осталось в истории как «тихие годы», потому что важные вопросы городского хозяйства решались своевременно. Но было бы ошибкой думать, что любимцы прежнего князя, бояре Вельяминовы, смирились со своим положением. Сын бывшего тысяцкого, его родственники и сторонники, «большие бояре», недовольные бездействием князя и значительной властью Алексея, составили заговор. В результате зимой 1357 г. могущественный фаворит был убит под покровом ночи, а труп его оказался на Красной площади как бы в назидание всем его сторонникам. В то же время замешанные в преступлении бояре со всеми семьями выехали в мятежную Рязань, боясь справедливого возмездия. Непосредственные исполнители Вельяминовы-Воронцовы отправились в Орду, чтобы там переждать гнев великого князя. Удивительно, но заметных репрессий не последовало. Народ горевал о своем любимце, недруги торжествовали, а московский государь всецело предался делам религиозным, как будто ничего не произошло. Наверное, его тоже тяготили непомерная активность и популярность бывшего фаворита. Поистине нет груза тяжелее благодарности. Более того, через год Иван Красный объявил амнистию виновным боярам, и они постепенно вернулись в Москву. Из Вельяминовых приехали только Михаил и Василий Вельяминовы-Воронцовы, больше доверявшие княжеской милости. Их никто не собирался наказывать, но полностью реабилитироваться им удалось лишь после смерти великого князя. Иван II Красный только на 2 года пережил своего фаворита.

Фаворит Дмитрия Донского: В. Вельяминов

В отличие от своего отца, московского князя Ивана II Красного, Дмитрий Донской был активным политиком. Его княжение пришлось на сложное время: самовластие удельных князей, опасность со стороны Литвы и ордынское господство.

В классической историографии образ Дмитрия предстает как портрет «добротного правителя», покровителя русских земель и борца с игом монгольских захватчиков. Но фактически его политика была гораздо более многогранной.

Процесс объединения русских земель вокруг Московского княжества не зря назывался «примучиванием», так как сопровождался интригами, подкупом ордынских чиновников и «изведением» тверских, суздальских и иных князей из их отцовских уделов. Полезные для государства дела далеко не всегда решались благовидными способами. И в этом процессе основную роль играли сам московский князь и его фавориты, которые должны были отличаться наблюдательностью, хитростью, исполнительностью и известной долей беспринципности при безусловной личной преданности повелителю. В случае обнаружения их преступлений «в чужой стороне» фаворитам грозила неминуемая гибель, предваряемая жестокими пытками. И при подобном обороте дела, конечно, они были обязаны сообщить минимум порочащих князя сведений. Таким требованиям в полной мере соответствовал боярин Василий Вельяминов, потомственный тысяцкий.

История не сохранила точной даты рождения фаворита Дмитрия Донского – Василия Вельяминова. Ориентировочно исследователи называют 1320-е гг., так как в 1341 г. он в числе «молодых Вельяминовых» подписывает одну из грамот князя Симеона. Его дед и отец (тоже Василий) занимали этот пост при московских князьях Иване Калите и Симеоне Гордом. Сам будущий фаворит был замечен князем Симеоном и несколько раз упоминался в его грамотах как «свидетель честный». Обеспеченное будущее было гарантировано Василию, если бы не вмешалась судьба. Симеон скоропостижно скончался, и московский престол занял его брат – безынициативный и легко внушаемый Иван II Красный. Когда князь Иван в благодарность за оказанные некогда услуги назначил тысяцким А. Хвоста, до этого безуспешно пытавшегося обойти Вельяминовых, то злопамятный фаворит сделал все, чтобы вызвать у своего повелителя недоверие к старинным соперникам. Некоторое время Вельяминовы терпели это унижение, но организованный ими заговор оказался успешным. Как говорили сами Вельяминовы, «для одного человека такой власти слишком много». После убийства Хвоста Василий, а также его отец, бывший тысяцкий, и дядя, которых молва называла организаторами преступления, бежали в Рязань, а затем в Орду «живота своего ради». После объявленной Иваном II амнистии отец и дядя Василия вернулись в Москву, а сам он, которого ряд исследователей считают непосредственным исполнителем убийства тысяцкого А. Хвоста, остался в Орде. Вернулся он в Москву только после смерти московского государя и постарался войти в доверие к его преемнику – князю Дмитрию Донскому. Ловкость, смелость, граничащая с нахальством, и беспримерная услужливость Василия Вельяминова нашли понимание и поддержку у князя Дмитрия, понимавшего, что без таких помощников его планы не будут в полной мере успешными. Василий становится любимым приближенным князя, поверенным его замыслов и, на деле доказав свою верность, облекается особым доверием. Об этом говорит и то, что сразу после восшествия на престол Дмитрий особым указом возвращает из опалы Вельяминовых и их родственников, а Василия назначает тысяцким. Теперь Вельяминовы восторжествовали. Власть и деньги, проходившие через их руки на протяжении нескольких поколений, снова принадлежали их роду. Василий с блеском выполняет поручения князя, ездит по его делам в Орду, участвует в борьбе

Дмитрия против тверских владетелей – старых соперников московских государей. Связи, налаженные в Орде, помогли ему найти общий язык с ханскими послами и интриговать против тверского князя Михаила Александровича. Василий даже присутствовал на свадьбе Дмитрия Донского в числе гостей со стороны жениха. Его жена была крестной матерью одного из сыновей князя Дмитрия, а старший сын Иван также наследовал бы должность тысяцкого, если бы московский государь был в этом заинтересован. Именно Василию, по ряду данных, принадлежит идея заставить удельных московских князей постоянно жить в столице, а не в своих родовых усадьбах, являясь по первому зову пред очи великого князя. Это ослабляло прежнее самостоятельное положение удельных князей и формально закрепляло их второстепенное положение по отношению к московскому государю. Родовые уделы при помощи хитро составленных грамот переходили в руки Дмитрия Донского и его преемников, а наследники прежних владельцев добровольно передавали имущество в попечение великому князю или постепенно исчезали (например, умирали в молодом возрасте, не оставив потомства).

Другой характерной особенностью было то, что, постоянно проживая в Москве, бывшие самостоятельные владельцы начинали остро нуждаться в деньгах и попадали в прямую зависимость от казенной денежной выдачи или расположения князя Дмитрия и его фаворита.

По воспоминаниям современников, Вельяминов был сухощав и обладал достаточно приятной наружностью. Василий был суровым отцом и воспитал сыновей в безоговорочном подчинении. Он был уверен, что их ожидает такая же блестящая будущность. Скончался Василий Вельяминов в 1374 г., перед смертью по обычаю того времени постригшись в монахи. После его смерти князь Дмитрий Донской отменил должность тысяцкого «за ненадобностью» и передал городскую власть в компетенцию своей администрации. Слишком большая власть была сосредоточена, по его мнению, в руках одного человека. Старший сын Вельяминова Иван, волей князя лишенный той должности, на которой годами сидели его отец, дед и прадед, обиженный на князя, бежал в Тверское княжество. Потомственный фаворит, он не мог понять причин такой «немилости», из-за которой лишился привилегий и доходов, на которые заранее рассчитывал. Но в отличие от отца Иван не учитывал изменившихся политических реалий. Московскому князю не нужны были лишние свидетели его политической деятельности, а вести городские дела он вполне мог поручить своим слугам, например казначею. По историческим данным, Дмитрий пытался вернуть неблагодарного Ивана, а тот, боясь вероятных репрессий, в 1378 г. «подослал к нему попа со злыми зельями», чтобы отравить. Судя по тому, что попа сослали, а Ивана, выловив как беглого преступника, с позором казнили в Москве, возможно, вина его была не столь безоговорочной. По свидетельству современников, это была одна из первых публичных казней в столице и объектом ее стал человек такого уровня и известности, как сын бывшего фаворита великого князя. Интересно, что родной брат казненного Ивана Николай продолжал пользоваться доверием князя и даже был женат на сестре его жены, хотя и не входил в число известных любимцев правителя.

Фаворит Василия I: И. Кошкин

Сын Дмитрия Донского, великий московский князь Василий I, по характеру совсем не походил на своего проницательного и дальновидного отца. Скорее, по замечанию исследователей, в нем проявился характер деда – Ивана II Красного. Так же как и он, Василий I отличался мягким нравом, «тихим обращением» и предпочитал передоверять государственные дела ближайшему любимцу. В 11-летнем возрасте пребывание в Орде в качестве представителя отца, находившегося в тяжбе с тверским князем Михаилом, обернулось для Василия почетным заключением. Причиной тому стал долг в 8000 рублей золотом, который Дмитрий Донской «позабыл» уплатить, надеясь на расположение хана. Статус заложника был, вероятно, отягчен плохим обращением, из-за чего Василий через 2 года бежал в Литву. Литовский князь Витовт в то время имел намерение наладить добрососедские отношения с Московским княжеством и сосватал за Василия свою дочь Софью, с почетом отправив будущего зятя домой. Покладистый характер московского князя виден и из завещания Дмитрия Донского, который наказывал ему, уже достигшему двадцатилетнего возраста, «слушаться бояр своих». Получив из Орды ярлык на великое владимирское княжение, он опять-таки ничем особым себя не проявил и только в религиозном вопросе под влиянием тестя склонялся к сближению с литовскими католиками.

Благодаря тому, что московские князья хорошо платили, их положение среди коррумпированной ордынской администрации было весьма устойчивым.

Только щедрые пожертвования и боярская дипломатия помогли безынициативному Василию наладить отношения с новгородским князем, получить подтверждение права на московское княжение и присоединить к своим владениям бывшие новгородские территории на Волге и в районе Двины.

Подобные действия осуществлялись с помощью московского боярина Федора Кошки и новгородца Айфала Никитина. Они и их сторонники, привлеченные княжескими привилегиями, служили еще Дмитрию Донскому. Сообразительные бояре взяли власть в свои руки, фактически поручив Василию выполнять их распоряжения и осуществлять представительские функции. Характер Василия проявился лишь после присоединения новгородских территорий, когда они подверглись поборам в пользу московского князя. Войска, введенные им в окрестности Торжка и Вологды, послужили дополнительным средством убеждения. «Ласковый и кроткий» московский князь не готов был и пальцем пошевелить, если дело требовало значительных усилий и могло нарушить его личный покой. Достаточно было того, что он исправно платил Орде. Так, Василий I не принял под свою защиту смоленцев и псковичей, пытавшихся выйти из-под «литовской руки» его тестя. Более того, он помог Витовту разорить рязанские земли без всякой выгоды для себя и своего государства. И это несмотря на то, что вероломный литовец уже обдумывал договор с ордынцами против московского князя! Более того, в завещании Василий I просил Витовта позаботиться о своих малолетних детях. Прежние же соратники мало интересовали московского князя, как только надобность в их услугах переставала быть острой. Всего более, как пишут современники, скучающему от бездеятельности Василию нравились модные новинки и забавные редкости, имевшие практическое значение. Так, по ряду данных, у него было несколько иностранных механических игрушек (в их числе металлическая позолоченная птица, которая могла хлопать крыльями), а в 1404 г. он приобрел уличные часы с боем, итальянской работы и разместил их на специально устроенной башне.

Заслужить стойкое расположение московского государя мог человек проницательный, хитрый и лстивый до неприличия, беспринципность которого могла бы сравниться разве что с равнодушием и эгоизмом московского князя.

Таким человеком оказался Иван Кошка (Кошкин) – сын боярина Федора, человека «большого ума».

Фаворит московского князя Иван Кошкин от отца своего Федора унаследовал приятную внешность и «ласковое обхождение». Кошкины (по другой версии, Кобылины) довольно давно служили московским государям, но среди обилия при дворе безземельных собственников великого князя, политических беженцев и бывших удельных князей были не слишком заметны. Дмитрию Донскому и молодому Василию I советы боярина Федора и его знакомства в Орде помогали справляться с трудностями управления. Рассудительный Кошкин-старший умел извлечь выгоду практически из любой ситуации и в то же время найти общий язык с самыми разными людьми. Заботясь о государственной пользе, он не забывал и о личной выгоде. Так, некоторая часть якобы отправляемых в Орду денег, по ряду данных, оседала не только в княжеских сундуках, но и в личном поставце боярина, окованном тяжелыми железными поло-сами.

Дочь свою Анну искушенный в дипломатии Федор выдал за сына тверского князя Михаила. Это, с одной стороны, было чисто политическим ходом, а с другой – обеспечивало крепкий тыл, что было очень важно при непостоянном нраве московского государя.

В отличие от стратегически мыслявшего отца Иван не пользовался популярностью ни среди боярства, ни у городского населения. С детства он воспринял торжествовавший при дворе дух вероломства и обмана. Лицемерие было политической нормой в то время, но неповоротливое тугодумие большинства бояр раздражало Ивана, равно как и заносчивость титулованных родственников царя, которые «на птичьих правах» обитали в столице. Среди этой знатной толпы Кошкины одни были лишены титулов, и только заслуги боярина Федора позволяли им занимать достойное по делам, но не подобавшее по значимости положение. Мягкотелость и себялюбие московского правителя волей-неволей наводили на мысль о скором забвении прежних заслуг и ненадежности придворного счастья. И хотя молодой Иван исправно служил еще Дмитрию Донскому и даже упоминался в его завещании, новый правитель не спешил облагодетельствовать его за беспорочную службу.

По ряду данных, Василий I был приверженцем нетрадиционной сексуальной ориентации, и в том числе на этом пристрастии основывалось его особое расположение к Кошкину-младшему и презрение к последнему современников.

Тем не менее князь Василий сделал Ивана своим казначеем, доверил ему подписывать свои документы личного свойства и упомянул в своем завещании. Более того, влияние Кошкина росло с каждым днем, и его советам, по свидетельствам очевидцев, князь следовал даже в быту. Цель фаворита была достигнута. В руках Кошкина сосредоточились немалые средства и по установленной традиции стали потихоньку оседать уже в его личной казне. При этом лукавый фаворит в мелочах потакал великому князю и, зная о его пристрастии к иностранным диковинкам, всячески содействовал ему. Дорогие безделушки ищут даже в Орде, и причина этого не остается тайной. Но пока Московское княжество остается добросовестным плательщиком дани, ордынские ханы предпочитают не замечать, кто стоит за спиной великого князя. Правда, личный авторитет Ивана Кошкина заметно падает и в Орде. Но внутренние смуты поглощают внимание ее властителей, и на какое-то время они выпускают из виду Московское государство.

Тем временем унаследовавший от отца презрение к корыстным правителям ослабевшей ордынской империи Иван обретает еще большую самостоятельность. Он считает, что занятые распрями между собой ханы и их наследники вполне обойдутся без выплаты регулярной дани, тем более, что этим средствам всегда можно найти более достойное применение. Вокруг Кошкина образуется группа сторонников из числа молодых боярских сыновей и поддерживает

все его начинания. При этом дань регулярно собирается с населения, и именно на часть этих денег, по имеющимся данным, и производится покупка знаменитых башенных часов.

В отличие от отца, полагавшего, что худой мир с Ордой лучше доброй ссоры, Иван не считает нужным соблюдать подобные условности, вполне уверенный в своей безнаказанности. Отсутствие напоминаний от ордынской администрации он считает подтверждением своей правоты. Предупреждений со стороны старых бояр, помнивших еще его отца, о недопустимости такой политики Кошкин предпочитает не слушать. Еще менее это интересует Василия I. Расплата последовала через несколько лет.

Большое войско знаменитого монгольского правителя и полководца Едигея в 1408 г. неожиданно появилось в Подмосковье, по дороге разорив рязанские земли. Об уровне предусмотрительности руководства московской администрации, организации обороны княжества, ополчения и разведки свидетельствует то, что о продвижении огромного отряда (более тысячи человек) никто даже не сообщил. Да и посольство в Орду не направлялось великим князем уже несколько лет. Разумеется, Василий I оставил столицу и вместе с «ближним кругом», женой и детьми затворился в Костроме, ожидая, когда все успокоится. В осажденной Москве остались почти вся Боярская дума, родственники князя, в том числе его дядя Владимир. Они придумывали, как откупиться от захватчиков, и собирали средства. Из-за внезапности происходившего не было сделано даже попытки создать ополчение. Среди москвичей началась паника.

Остановившийся в Коломенском Едигей отправил перепуганному Василию послание, в котором, не стесняясь в выражениях, объяснил причину своего появления и потребовал от московского князя выплаты задержанной дани. Кроме того, в письме он посоветовал Василию не отступать от прежних соглашений и не слушать лицемерного фаворита, который из-за своей жадности навлек карательную экспедицию на собственную родину. Едигей был достаточно прагматичен. Он не питал иллюзий относительно славянской покорности, но его вполне устраивала политика прежних бояр, в том числе Кошкина-старшего. Недальновидный и нечистый на руку выскочка, по мнению ордынца, не подходил на роль советника московского князя. Как отреагировал Василий I, остается загадкой. Судя по тому, что до самой смерти Кошкин сохранял значительное положение, и на этот раз фаворит сумел избежать княжеского гнева. Москвичи откупились от Едигея уплатой 3000 рублей, а в качестве компенсации за невыплаченную дань Едигей разграбил подавляющее большинство городов Московского княжества, сжигая их почти дотла и разоряя поля и посевы. Причем он потратил на это всего несколько недель, после чего ордынский «карающий меч» отправился восвояси. Василий вернулся в Москву. Начавшийся в стране голод объяснили растерянному народу вероломством и происками Орды. Как записано во многих церковных хрониках тех лет, именно для этого ордынцы уничтожили посевы и городские хлебные запасы и изъяли ценности и денежные средства.

Тем не менее жизнь потекла своим чередом. Иван Кошкин сделал правильные выводы из произошедшего. Худой мир был действительно лучше доброй ссоры, во всяком случае тогда. Правда, через несколько лет новгородские князья решили воспользоваться опалой москвичей и вернуть территории, отнятые у них Василием I. Для этого они собрались в Орду. Надеясь на то, что произошедшая у монголов смена власти поможет ему выиграть дело, с ними отправился и тверской князь Иван с такими же претензиями. Но Иван Кошкин, узнавший об этом через доверенных лиц, уже сопровождал князя Василия I в ханскую ставку. Он убедил московского государя в необходимости личной поездки, так как опасался за свою безопасность. Кроме того, ему было важно поднять в Орде свой личный престиж. Новый хан Керимберды положительно воспринял московское посольство, щедро подкрепленное деньгами и подарками. По ордынской привычке он выслушал и князей-соперников из Твери и Нижнего Новгорода, также приехавших не с пустыми руками, но больше надевавшихся на моральные доводы и пошатнувшееся положение москвичей. Хан четыре года принимал по очереди обе стороны, но деньги московского князя оказались убедительнее – их было больше. Проигравшие князья, подчиняясь указу,

подписанному еще Дмитрием Донским, приехали в столицу на постоянное место жительства. Их имущество осталось под юрисдикцией великого князя. После этого Иван Кошкин и далее оставался в княжеской милости.

По мнению историков, фаворит скончался в конце 1420-х гг., так как после 1425 г. его имя больше не упоминается в документах. Дети его также занимали высокое положение, правда, не в первых рядах.

Один из его сыновей – боярин Захарья основал род Захарьиных-Юрьевых и являлся предком династии Романовых, российских самодержцев. Так потомство фаворитов продолжало поддерживать кормившую их империю. Внучатая племянница И. Кошкина стала супругой великого князя Василия II. Почему-то потомки фаворита предпочитали называться по-другому, и номинально фамилия Кошкиных после Захарьи в дворцовых книгах не упоминается.

Фаворит Василия II: И. Всеволожский

В отличие от своего не слишком инициативного отца Василий II Темный был более активен политически, и к этому его готовила сама жизнь. Василий в 1425 г. вступил на московский престол еще ребенком. К тому времени условиями беспроblemного правления московских князей были не только зависимость от ордынского ярлыка на великое княжение, но и расположение литовского князя Витовта, приходившегося Василию II дедом с материнской стороны. Согласно завещанию Василия I Витовт считался распорядителем Московского государства при малолетних князьях. Более того, формальным соправителем юного Василия II был также и его родной дядя Юрий – младший сын Дмитрия Донского. На правах «трети» ему принадлежали часть Москвы и доходы с нее, имелась у него и своя администрация. Правда, судебные тяжбы на всей городской территории разрешались вмешательством тогдашнего митрополита Фотия и великого князя, а за его малолетством – регента Витовта. Такая ограниченность в действиях не устраивала князя Юрия. Он решил доказать свои исключительные права на московское великое княжение и с этой целью принялся искать в старых документах юридические основания своих претензий. Сначала ему повезло: в завещании отца, Дмитрия Донского, он нашел упоминание о возможных своих правах на московский престол. Но возникший было у князя энтузиазм охладил Витовт, который с помощью преданного ему митрополита оставил Юрия в прежних правах. Регент «уговорил» соправителя не прибегать для достижения своей цели к военному вмешательству и физическому воздействию на малолетнего князя. Формальную лазейку для скандального родственника все-таки оставили – если бы ордынские власти решили вмешаться и пожаловать Юрию ярлык на московское великое княжение. В этом случае Витовт обещал подчиниться и от имени малолетнего князя признать главенство нового правителя. Таким образом, Юрий в течение трех лет управлял своей частью согласно договору, а тем временем хитроумный литвин добился у родного внука признания зависимости от Литвы новгородских и псковских земель. Затем, угрожая военным вмешательством, Витовт заставил Юрия уступить ему все свои территории, кроме Галицкого и Вятского округов, и письменно подтвердить отсутствие любых претензий на московское великое княжение. Кроме того, князь Юрий обязывался не принимать политических беглецов и изменников из великокняжеской части Москвы и с подвластных Василию земель. Некоторые исследователи видят в этом заботу о целостности Московского государства, а ряд других склоняются к тому, что с помощью подобных мер Витовт ослаблял и того и другого правителя, усиливая при этом самостоятельность Литвы. Есть мнение, что таким способом литовский князь хотел вбить надежный клин между московским государем и его соправителем и беспрепятственно ограничить последнего чужими руками. Самоуправство литовского князя не нравилось русским боярам, но они были бессильны в сложившихся обстоятельствах. Чем бы это кончилось, неизвестно, но через два года Витовт неожиданно скончался и новым литовским князем стал его младший брат Свидригайло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.